

СОЦИАЛИЗАЦИЯ В НАУКЕ

Вопрос об аксиологических основаниях научного знания неразрывно связан с проблемой дальнейшей судьбы современной техногенной цивилизации, которая сегодня остро осознает границы собственного цивилизационного развития. Прогресс техники и технологии, овеществленной и объективированной силы и мощи научного знания, в качестве непреднамеренного следствия привел к антропологическому кризису, который проблематизирует будущее самого человека, ставит под вопрос будущее как таковое. Данное обстоятельство актуализирует необходимость рефлексии над основаниями самой науки не со стороны предметности ее содержания, а со стороны субъекта, его целей, норм, ценностей, его ответственности за судьбу человечества.

Важно отдавать себе отчет, что речь идет не об ответственности ученых за судьбу своих открытий, не о машинерии правительств, которые используют научные открытия не только во благо, но и во зло человечества, не об аксиологических аспектах научного знания, а о том, что не только лежит в фундаменте небоскреба научного знания, а составляет его каркас, о том, что делает науку наукой. В истории философии была предпринята грандиозная попытка исследовать человеческое знание со стороны его субъектности. Априоризм И. Канта может быть интерпретирован как признание той огромной роли, которую играет в познавательной деятельности предшествующий человеческий опыт, павший у Канта объективации в виде априорных форм чувственного созерцания, категорий рассудка и идей разума. Постоянно подчеркивая регулятивный, а не конститутивный характер априорного в человеческом познании, И. Кант признает фундаментальность аксиологических оснований науки.

Научная деятельность и ее результаты не являются чистым объективным знанием. Объективированные результаты содержат нечто, что определяет характер их использования. Третий аспект дисциплинарной матрицы Т. Куна становится самодовлеющим. Он и есть та целостность, которая определяет цели, задачи и результаты научной деятельности. Социоментальный горизонт ученого как личности определяет интенциональность научного исследования, является границей релевантного и нерелевантного в его деятельности. Вместе с тем наука как любой социальный институт являет-

ся куматоидным образованием, воспроизводит себя как социальный институт через постоянную смену поколений, организаций, отдельных личностей. Постановка проблемы явного и неявного знания в науке (М. Полањи) XX века наводит на мысль о значимости самого процесса становления ученого как профессионала. Таким образом, имеет смысл экстраполировать подходы, теории, механизмы социализации личности на деятельность ученого, выявить их тождество и различие.

Научная деятельность может быть рассмотрена в трех ипостасях: как повседневная деятельность, как традиция и как инновация. Принципом такого выделения служит подход, предложенный И. Витаньи. Венгерский ученый выделял сферы человеческой деятельности исходя из соотношения продуктивного и ретропродуктивного моментов, отражающих меру проявления творческих способностей человека. Знакомство с наукой начинается с усвоения ее повседневного порядка. Погружение в повседневный мир научного знания предполагает интериоризацию прошлого опыта, объективированного в застывших структурах и образцах деятельности, ее рутине. Концепция повседневности А. Шюца раскрывает механизм функционирования общезначимого в науке, которое проявляет себя в качестве коллективно-бессознательного. Тезис Шюца «о взаимозаменяемости перспектив» распадается на два постулата. Постулат «взаимозаменяемости точек зрения»: человек верит и предполагает, что другой, оказавшись на его месте, поступит точно так же, как и он. Второй постулат «о совпадении систем релевантностей». Человек принимает на веру и убежден, что каждый начинающий исследователь именно так усваивает накопленный прошлый опыт. Пока не доказано обратное считается, что все интерпретируют повседневный мир науки одинаковым образом, в какой это необходимо для достижения поставленной практической цели (см.: Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 129—137). Для примера приведем цитату из дневника ученого: «Чтобы я ни взял, будь то пробирка или стеклянная палочка, к чему бы я ни подошел: автоклав или микроскопу, — все это было когда-то кем-то придумано, и все это заставляет меня делать определенные движения и принимать определенное положение. Я чувствую себя дрессированным животным, и это сходство тем полнее, что прежде чем научиться точно и быстро выполнять безмолвные приказания этих вещей и скрытых за ними призраков прошлого, я действительно прошел долгую дрессировку студентом, докторантом и доктором...» (Польнов Б. П. Докучаев и современное естествознание // Избр. труды. М., 1956. С.

617). Первичный этап социализации в науке здесь иронично назван дрессировкой. Ирония уместна, поскольку речь идет об усвоении образов деятельности, носящей репродуктивный характер. Но в аспекте процесса социализации важно и то, что приобщение к привычному и обыденному в науке, для отдельной личности может являться и откровением и открытием, переполнять душу восторгом или испытывать досаду от неимоверного количества усилий, которые требуется прилагать. Механизм приобщения к миру повседневного в науке напоминает обучение, характерного для этапа преднауки: «Делай как я!», «Ты хорошо сделал!».

Следуя логике процесса социализации и анализа науки как индивидуального образования, содержание второго этапа составит поиск собственной научной идентичности. Он предполагает сознательное усвоение ценностей и норм научной деятельности, соотнесение с традицией. При этом следует отметить, что в науке не одна традиция, а несколько даже в предметной области одной науки. Речь здесь идет о культуре собственно научной деятельности, представляющей собой диалектическое единство продуктивного и репродуктивного моментов. Плодотворность работы ученого в рамках традиции обрисовал Т. Кун, описывая состояние нормальной науки, в рамках которой совершаются открытия, не ставящие под сомнение саму традицию. Традиция в свою очередь содержит ответ о смысле научной деятельности и назначении ученого. То, что выходит за рамки традиций, относится к сфере маргинального в науке. Нынешний этап цивилизационного развития поставил вопрос о смысле техногенной цивилизации, о метафизическом назначении науки, о ее бытийном характере. Критика техногенной цивилизации перерастает в критику самой науки. Неоднозначность предназначения науки, размытость бытийного смысла сопровождается ростом маргинализации науки. Демаркационная линия, отделяющая науку от ненауки, становится подвижной и размытой. Осуществляется рефлексия над основаниями самой науки, о смысле традиции. Наука как конечная область значений, по терминологии А. Щюца, размывает свои границы, делает их проницаемыми для других областей, перестает быть относительно самодостаточной. Процесс поиска собственного смысла осуществляется в пространстве культуры как целого, во взаимодействии с другими социальными институтами. В этих условиях существование повседневного в науке проблематизируется, возрастает напряженность сознания, осознается двусмысленность. Проблематичность смысла научной деятельности в современной ситуации пока не разрушает ее повседневного пласта.

Третий аспект осмысления науки связан с ее трактовкой как инновативной деятельности. Любое изобретение есть проявление творческой способности человека. Всякое открытие предстает как инновация. Встает вопрос о градации открытий по степени их значимости. С. Тулмин утверждает, что любое открытие есть микрореволюция, тем самым, проблема снимается. По мнению Т. Куна, научные открытия не являются однопорядковыми. Он различает открытия в рамках традиции и открытия как «научные революции», которые ведут к смене парадигм научного знания. Научные революции прерывают традицию, но все происшедшие революции не затрагивали традицию самой науки. Научное открытие как высшее проявление продуктивной способности ученого свидетельствует об успешности процесса социализации и о способности дальнейшего самостоятельного развития индивида как ученого. Смена парадигм ведет к необходимости ресоциализации ученых, поскольку изменяет ценности и нормы научной деятельности. Успешно прошедшие ресоциализацию входят в состав сообщества приверженцев новой парадигмы, остальные маргинализируются.

Использование социологического термина для анализа профессиональной деятельности ученого дает возможность выделить основные этапы в его становлении. Понятие социализации в науке может использоваться лишь в своем усеченном виде, поскольку процесс становления личности значительно богаче по содержанию, чем становление профессионального деятеля науки. Онтогенез воспроизводит основные этапы филогенеза. Начальный этап процесса социализации формирует собственно родовые человеческие качества, образ обобщенного другого, самосознание, коллективизм, способность к формально-логическим операциям и многое другое. Для формирования ученого все перечисленные способности являются исходным фундаментом, поэтому прямая аналогия между этапами социализации и становлением ученого неоправдана. Но механизмы социализации — подражание (имитация), сознательное усвоение ценностей и норм культуры, их творческое развитие применимы в науке и позволяют полнее представить ее «куматойдный» характер. Выше была предпринята попытка рассмотреть процесс социализации в науке как конечной области значений, где основными агентами социализации выступают научные деятели (преподаватели и ученые), научные школы, научные направления и в целом научное сообщество. Но наука является одним из социальных институтов и находится под влиянием вненаучных факторов. Среди внешних агентов социализации в науке наибольшую роль играют социальная престижность деятельности ученого (его

место в социальной структуре общества и оценка значимости деятельности), экономические факторы, политика государства и конкретные реалии, например, российского социума. Влияние внеаучных факторов на развитие науки приводит к парадоксальной ситуации — возрастанию ценности образования, последнее прежде всего носит инструментальный характер как способ достижения успеха, и падению престижности деятельности ученого. Под влиянием социальных факторов, экономических, политических происходит массовый отток специалистов из сферы науки. Те же, что не покинули научное сообщество, вынуждены осуществлять ревизию своего ценностного багажа в условиях изменившейся действительности и менять местами собственные приоритеты. Это позволяет говорить о ресоциализации ученых.

Таким образом, необходимость массовой ресоциализации в науке обусловлена как научными, так и внеаучными факторами. За пределами внимания оказались механизмы индивидуальной ресоциализации, которые обусловлены прежде всего биографически. Но указанные процессы ресоциализации не затрагивают аксиологических оснований науки как целого, имеющего непосредственное отношение к судьбе современной техногенной цивилизации. На данном этапе проблема разворачивается в плоскости философской рефлексии, является по существу мировоззренческой, поскольку требует пересмотра сложившихся представлений положения человека в мире, и втягивает в поле исследования альтернативные образы. Если техногенная цивилизация выстроена на принципе: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», то в философии и культуре существуют и другие представления о природе как храме, космическом предназначении человека. Идет мучительный поиск иных образов, рефлексия над универсалиями культуры в соответствии с которыми будет изменен аксиологический фундамент науки. Пока очевидно одно: наука не отменяет мудрости.

А. С. Сипицын
г. Уфа

РОЛЬ НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Для того чтобы говорить о роли науки в формировании современного мировоззрения, необходимо сначала дать некое рабочее определение мировоззрения и рассмотреть его структуру и содержание.